

Творческое наследие
Густава Густавовича Шпета
в контексте философских проблем
формирования
историко-культурного сознания
(междисциплинарный аспект)

Г.Г. Шпет / *Comprehensio*
Четвёртые Шпетовские чтения

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ТОМСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

2003

Е.В. Зинченко (Томск)

Герменевтические тенденции в феноменологии Э. Гуссерля

Феноменология – это практика предъявления того, *как* нечто является. «Удавшееся описание обнаруживает нечто с помощью слов, оно дает нам увидеть то, что без описания, то есть вне языка мы не смогли бы увидеть» [1. 147]. Таким образом, феноменология – это языковая практика, своеобразное искусство показывать явление словом. Предметы являются нам непосредственно – это одно из убеждений здравого смысла, но *явления*, обычно, просто проживаются, оставаясь незамеченными и непонятыми. С точки зрения здравого смысла, не существует различия между вещью самой по себе и являющейся вещью. Явление/феномен – то, что большей частью упускается из вида, это конститутивная деятельность некоторого Я. В процессе ее осуществления предметность предмета идентифицируется и превращается в осмысленное нечто. Я-деятельность являет предметы. Мы задаемся вопросом: как является являющее предмет Я? Очевидно, что Я – это один из предметов, который может быть конституирован, с той оговоркой, что это, пожалуй, единственный предмет, который должен сам себя являть. Как сделать Я темой феноменологического предъявления и описания? В чем специфика «феноменологии Я? Рассмотрим путь к Я, который предлагает феноменологическая философия Эдмунда Гуссерля.

В гуссерлианской феноменологии различаются естественная и феноменологическая фиксации Я. В зависимости от способа яв-

ления различают эмпирическое Я – индивидуальный вещьобразный предмет в мире, один из многих, и чистое Я – безусловный принцип спонтанной смыслонаделяющей активности по отношению к какому-либо предмету. Эмпирическое Я – это обозначение повседневного способа самопонимания: собственное Я знакомо каждому человеку как его непосредственное телесное чувство самоприсутствия и единство наличных психических состояний, способностей и тенденций Я. «Самовосприятие – это восприятие, которое каждый может иметь о собственном “Я”, о его качествах, состояниях, деятельности. На вопрос, кто есть это воспринимаемое “Я”, наивный человек ответил бы посредством указания на явления своего тела, посредством перечисления своих прошедших и настоящих переживаний» [2. 222]. При ближайшем рассмотрении этот комплекс наличных психических структур оказывается несамодостаточным, так как заранее предполагает того, кто выступает свидетелем, фиксирующим наличие этих структур. Так возникает необходимость вводить чистое Я – понятие, выражающее возможность рефлексии Я над собственными актами.

Единство собственных свойств конституируется этим же самым Я, следовательно, Я возвышается над единством своих переживаний, способностей и тенденций как *схватывающее их как-то*. Таким образом, Я расщеплено внутри себя на Я-схватывающее и Я-объект. «В самоосуществлении рефлексии я поднимаюсь над самим собой, раздваиваюсь на высшее “Я”, каковое есть “Я” акта рефлексии, и на низшее, над которым я рефлектирую» [3. 101, 262, 318]. Эмпирический слой Я доступен в обычной психологической рефлексии, чистое же Я, или Я, предъявляющее себя как объект, в психологической рефлексии не схватывается, а является условием возможности психологической рефлексии. «Как тень от собственной головы, “Я” никак не дает себя перепрыгнуть» [4. 186]. Чистое Я здесь пока еще функционирует анонимно и представляет собой «первую трансценденцию» в имманентной жизни сознания¹.

¹ Термин «трансценденция» в языке Гуссерля обозначает все то, что не является конституированным в рамках активной деятельности Я. Например, синтез живого настоящего, обеспечивающий идентичность самого Я, осуществляется в Я пассивным образом. Не нужно постоянно осознавать свое прошлое, чтобы его не забыть. Прошлое само собой молчаливо удерживается в Я и в любой момент может быть актуализировано. Все эти пассивные синтезы трансцендентального времени хоть и могут быть предметом интереса этого Я, но все же они выступают условием возможности самого этого интереса, это те условия, которые должны выполняться раньше всякой активности Я. Эти пассивные синтезы служат мерами трансценденции в гуссерлевском смысле.

Так же, как и в отношении любого другого предмета, при феноменологическом анализе Я осуществляются феноменологическое эпохе, эйдетическая и трансцендентальная редукции. Эпохе – это воздержание от полагания себя как эмпирического Я – временное выведение из игры убежденности в собственной психологической идентичности, автономности и знании себя. Эпохе – это методически осуществленное недоверие по отношению к собственной фактичности. После различения эмпирического и чистого Я и нейтрализации (выведении из игры) эмпирического Я встает новая задача: вывести чистое Я из анонимности и сделать его предметом эйдетического рассмотрения. Именно чистое Я выступает предметом феноменологии Я.

Эпохе в отношении эмпирического слоя Я осуществляет это же самое Я. Следовательно, эпохе – это возможность иного самопонимания, когда Я понимает себя не как уже свершившийся факт, а как возможность всех своих возможностей быть, то есть как условие всех своих способов конституирования смысла. Это измерение в Я актуализируется трансцендентальной редукцией. Феноменология, как практика рассуждения и описания, возможна именно в этом модусе Я-деятельности, когда Я заинтересовано в том, чтобы быть базовым условием очевидности и истины.

Эйдетическая редукция – это процедура экспликации инвариантных структур в Я, с точки зрения которых никакое Я не отличается от другого Я. Такова особенность феноменологического исследования Я, которое всякий раз единственное в своем роде, но феноменолог интересуется объектом с точки зрения Всеобщего. Конкретное Я-вообще – такова формула интереса к Я в феноменологии.

Рефлексивность – всеобщее свойство жизни Я и, одновременно, условие возможности самоприсутствия Я. Однако такой характер самоприсутствия предъясняет только эмпирический слой Я. Возникает специальная проблема феноменологически адекватного самопредъявления чистого Я. Чистое Я – это структура апперцепции объекта. Схватыванием в рефлексии самой структуры апперцепции объекта *номинально* достигается чистое Я. Чистое Я предъясняется в рефлексии *над* схватывающей рефлексией, поскольку акт рефлексии – это один из актов Я. Однако такой характер самоапперцепции приводит к бесконечному отодвиганию рефлектирующего Я и его ускользанию от акта схватывания: рефлекс-

сивный акт расставляет временной промежуток, в результате чего схваченное Я всегда будет в прошлом по отношению к Я схватываемому.

Рассмотрим предельное основание невозможности самообъективации Я. Редукция темпоральной структуры Я к абстрактному «настоящему» позволяет обнаружить спонтанное самотрансцендирование. «В до-феноменальном потоке настоящего эта жизнь <деятельность трансцендентального Я. – Е.З.> сама себя трансцендирует, она конституирует имманентное время как “первую трансценденцию”, поток переживаний с его прошлым и будущим» [5. 106]. Гуссерль встречается с самопроизвольностью/спонтанностью деятельности, то есть с тем, что фундирует активность Я. Следовательно, тезис о первичности Я-активности нуждается в уточнении. «Первоначальный поток представляет собой до-бытие, невыразимое, соответственно рефлексивно не предъявляемое и все же оно онтифицируется и таким образом является темой высказывания» [6. 94]. Центр субъективного опыта должен быть понят как Я-деятельность. «“Абсолют” означает то же самое, что: “я конституирую”. “Я делаю” – это не факт для “Я”, но само это “Я”» [7. 186].

Акт онтификации делает возможным самосхватывание Я. Но что делает возможным сам акт онтификации? Как возможно описать первичное самоприсутствие настоящего, то есть самосамоприсутствие Я? Через анализ рефлексивного самопредъявления этого настоящего². Поэтому анализ темпоральной структуры предъявляющей рефлексии – путеводная нить для выявления чистого Я.

Анализ временной структуры актов рефлексии возможен только в рефлексии, в этом смысле рефлексия открывает время как предмет исследования и, одновременно, как базовое условие самой себя. Следовательно, рефлексия оказывается предметом собственного исследования. Рефлексия является одним из модусов функционирования Я. Удерживание этого рефлексирования и есть самоприсутствие Я. Объектом такой удерживающей рефлексии будет само это рефлексирование – самоприсутствие настоящего. Я выявляется

² Этому ходу мысли я обязан работе Клауса Хельда: *Held K. Die Frage nach der Seinsweise der transzendentalen Ich bei E. Husserl, entwickelt am Leitfadен der Zeitproblematik. Köln, 1963.*

только в рефлексии над рефлексией, но не как предмет – оно косвенно показывает свой лик в исполнении самосхватывающей рефлексии. Именно в этой ситуации проявляется фактический характер деятельности Я и проблемный характер самоданности. Мы рассмотрим проблему самоданности в двух аспектах: с точки зрения чистого, лишённого материального состава, времени и с точки зрения наполненного времени³.

В качестве исходного пункта для анализа можно взять любой наличный акт. Он будет иметь форму «теперь»-фазы. Эта специфическая форма акта – актуальное *дление в настоящем*, усматривается уже в рефлексивной установке. Акт усмотрения темпоральной формы акта превращает настоящий акт в только-что-бывшее переживание, а само рефлексирование становится длящимся актом, то есть *новым «теперь»*, по отношению к которому *предыдущий акт* стал прошедшим. Дальнейшее самосхватывание формы акта рефлексии вновь приведет к «отодвиганию» рефлексии к *новому (!) «теперь»*, по отношению к которому *рефлектируемый акт* станет прошлым, и т.д.

Нетрудно видеть, что рефлексия *всегда уже отодвинута* по отношению к тому акту, который она намеревалась схватить. Это отодвигание происходит в результате самого осуществления акта рефлексии. Движение рефлексии, то есть темпорализация (*Zeitigung*) – это условие возможности самосхватывания: если настоящее не будет «проходить», Я окажется запертым в рамках длящейся временной фазы. Так происходит, например, при интенсивном моральном или физическом страдании, или в случае невроза, когда Я не может трансцендировать живое настоящее, не может «протогнуть» длящееся переживание в прошлое и возникает своеобразный застой настоящего – эффект бесконечно длящегося настоящего.

Рефлексия имеет дело только со следом «живого настоящего» и образуется при этом как новое «теперь». Отодвигание рефлексии в прошлое – это не то, что производится рефлексией, но то, что *с рефлексией происходит*. Она вписана в автоматизм повторения и конституирована повторением. Пытаясь схватить «теперь»-

³ Термины «чистое время» и «наполненное время» принадлежат Р. Ингардену. В лекциях 1976 г. в Осло это различие применялось для описания уровней анализа времени в гуссерлевской феноменологии.

фазу, рефлексия оказывается новым «теперь». Однако нетрудно видеть, что рефлексия осуществляется только в «настоящем», несмотря на то, что оказывается отодвинутой по отношению к рефлектируемому переживанию. Очевидно, что рефлексия свершается на основании пассивного синтеза живого настоящего. «Теперь»-фаза своевольна и имеет характер иррационального принуждения для рефлексии. Настоящее в своем бесконечном повторении оказывается постоянно пребывающим, но не тем же самым (!), поскольку «теперь»-фазы осознаются как различные⁴.

Сам факт повторения мы не осознаем непосредственно, поскольку для этого необходимо совершить абстрагирование: абстрагироваться от материального состава опыта. В повседневной установке мы обращаем внимание на то, что повторение «поставляет» в наш опыт – мы вовлечены в проживание событий и не задумываемся над тем, что удерживает единство протекающих событий и что заставляет сами события проходить [8. 149].

Повторение не является примером феноменологической данности в привычном понимании – этот феномен опознается «задним числом»: в рефлексии мы, прежде всего, сталкиваемся со *следом* воздействия этой первоначальной ассоциации живого настоящего. Рефлексия над рефлексией раскрывает текучий характер «настоящего»: настоящее уходит, непрерывно образуясь вновь. Рефлексия заранее предполагает текучий характер настоящего как условия возможности самой рефлексии. Повторение делает возможным рефлексию. Анализ «чистого времени» наталкивается на синтезы, которые со-осуществляются вместе с рефлексией, но не могут быть раскрыты. А время, очевидно, является наиболее глубокой структурой Я.

Феномен повторения указывает на конечный характер настоящего: оно уничтожается бесследно, освобождая место новому «теперь». Однако настоящее осуществляет материальное наполнение опыта: предоставив в опыт содержание, настоящее умирает, освобождая место новому «теперь». Однако смена моментов «теперь»

4 В отношении повторения можно заметить, что повторение и различение идут «рука об руку». Повторение фиксируется только в опыте различения, но, с другой стороны, сама возможность такого опыта обеспечена повторением. Этот своеобразный круг, отмеченный Ж. Делезом, образует едва ли не самую существенную структуру Я.

не проходит для Я бесследно. Темпорализация, осуществляющаяся в Я, это процесс накопления опыта: процессы седиментации и габитуализации Я.

С другой точки зрения, можно показать невозможность полной самообъективации Я исходя из анализа «наполненного времени». Всякий акт схватывания имеет структуру горизонта. Если самоприсутствие Я является непосредственным, то самоапперцепция – нет: Я самому себе является в неопределенном горизонте самоданности. Аподиктичность *Я-есть* нуждается в многократном самоистолковании. «В “Я есть” феноменологическая редукция с несомненностью обнаруживает мое бытие, но так, что Я-конкретность этого бытия должна пройти через многократное повторение самоистолковывающей рефлексии» [9. 89]. Аподиктичность и адекватность не идут рука об руку [10. 19]. Я не может явить себя в настоящем времени полностью и не может быть надежно удержано в рефлексии. Самоапперцепция Я – это растянутый во времени процесс самоидентификации. Признание временной конституции Я открывает перспективу генетического исследования в феноменологии. Я схватывается в осуществлении своей деятельности, как тождественное самому себе, но, одновременно с этим, и как изменяющееся в результате осуществления ноэзиса. Повторением актов анонимно производится модификация структуры апперцепции и закрепляется привычка так-то и так-то осуществлять конститутивные действия. Единство привычек образует габитуалитет чистого Я: это вся совокупность способов и типов конституирования, характерных для некоторого Я. Именно этот слой Я опосредует акты самоапперцепции, являясь анонимной структурой самих актов апперцепции. Таким образом, самоапперцепция Я всегда содержит «белые пятна» и мотивирует повторение истолковывающей себя рефлексии.

Феноменология исходит из онтологической предпосылки конститутивной активности Я. Однако анализ темпоральной структуры *Я-деятельности* заставляет констатировать пассивные компоненты в ноэтической деятельности Я. Активность – это модус деятельности, когда Я сопровождает свои акты рефлексией. Пассивность – модус деятельности, когда Я «не знает» о тех актах, которые оно же само осуществляет в своем настоящем.

Взаимосвязь активности и пассивности в деятельности Я носит, по меньшей мере, двоякий характер: пассивность – это неустранимый элемент активности, исходящей из бодрствующего Я (Я конституирует себя из какого-то неосознаваемого им в это же самое время горизонта), и одновременно то, что предшествует активности Я (конституируя себя как объект, Я сталкивается с тем, что этот «объект» является пассивно сконституированным *до всякой истолковывающей рефлексии*). Иначе говоря, непосредственность самоданности Я становится едва ли возможной. Это обстоятельство можно истолковать либо как полную невозможность самоданности Я – это, очевидно, противосмысленно, либо самоданность Я всегда несет в себе аспект неопределенности, смутности, неадекватности, случайности, непрозрачности. И это обстоятельство вынуждает повторять рефлекссию снова и снова. Я обнаруживает себя как чистое *«вот так»* своего функционирования. В любой рефлексии оно будет обнаруживать фактический/случайный характер своей деятельности.

Конституирование – это процесс, начавшийся задолго до активности отдельного Я. Я исполняет конститутивные действия, но не является единственным собственником соответствующего типа конституирования. Самоапперцепция Я возможна не в силу спонтанной свободы Я, а на основании включенности Я в интерсубъективное сообщество. Временной промежуток создается не рефлексией, но воздействием другого, позволяющим рефлексии дистанцировать Я от самого себя. Гуссерль связывает темпорализацию Я с вовлеченностью в интермонадическое взаимодействие. Иначе говоря, самоопперцепция (не самочувствие !) возможна только потому, что есть Другой. Другой выступает в двух модусах: как помеха самоопперцепции и, одновременно, как базовое условие возможности самоопперцепции.

Итак, становится явным, что ни в какой рефлексии Я не предъявляет себя полностью. Эгологическая рефлексия напоминает бесконечное очищение луковицы: снятие одного слоя за другим при полной невозможности достичь ядра. Языковой характер феноменологического начинания в случае с Я изменяет саму задачу феноменологии: переориентирует ее с предъявления «самих вещей» на раскрытие горизонта интерпретации некоторого пред-

мета «Х» и обрекает на бесконечное повторение рефлексии. Адресат феноменологической дескрипции становится принципиально ускользающим, а сама ситуация его тематизации приобретает основные черты герменевтического процесса: языковой характер интерпретируемой реальности, ускользающий характер предмета, релятивность/фактичность интерпретации, темпоральный характер интерпретации, круговой характер интерпретации. Сам процесс самоистолкования приобретает характер герменевтического свершения.

Статья написана при поддержке РГНФ. Грант № 02-03-18135а.

Литература

1. *Merleau-Ponty M.* Le visible et l'invisible. Paris, 1945. Цит по: *Вальденфельс Б.* Мотив чужого. Минск, 1997.
2. *Husserl E.* Logische Untersuchungen. Teil 2. Tübingen: M. Nijmeijer. 1968.
3. *Husserl E.* GW. Bd IV. Haag, 1952.
4. *Райл Г.* Понятие сознания. М., 2000.
5. *Husserl E.* Manuskript. Цит. по: *Held K.* Die Frage nach der Seinsweise der transzendentalen Ich bei E. Husserl, entwickelt am Leitfaden der Zeitproblematik. Köln, 1963.
6. *Husserl E.* Manuskript. Цит. по: *Held K.* Die Frage nach der Seinsweise der transzendentalen Ich bei E. Husserl, entwickelt am Leitfaden der Zeitproblematik. Köln, 1963.
7. *Husserl E.* Manuskript E III 9, S. 55. Цит. по: *Held K.* Die Frage nach der Seinsweise der transzendentalen Ich bei E. Husserl, entwickelt am Leitfaden der Zeitproblematik. Köln, 1963.
8. *Мишара А.* Гуссерль и Фрейд: время, память, бессознательное // Логос. 1998. № 1.
9. *Husserl E.* Manuskript. С 3 II, S. 7. Цит. по: *Held K.* Die Frage nach der Seinsweise der transzendentalen Ich bei E. Husserl, entwickelt am Leitfaden der Zeitproblematik. Köln, 1963.
10. См.: *Гуссерль Э.* Собрание сочинений. Т. IV. Картезианские размышления. М., 2001.